По родной стране

На московском заводе имени Владимира Ильича вступил в строй новый цех ширпотреба, выпускающий алюминиевую посуду.

На снимке: в складе готовой продукции.

Фото Н. Федосеевой.

Ледовая разведка на 90-м градусе северной широты

Беседа с зам. начальника Главсевморпути Героем Советского Союза И. П. Мазуруком.

14 октября в Москву из большого арктического перелета вернулся двухмоторный самолет «СССР Н-331», пилотируемый полярным летчиком М. А. Титловым.

Заместитель начальника Главсевморпути Герой Советского Союза И. П. Мазурук сообщил корреспонденту ТАСС следующее:

Для освоения трассы Великого Северного морского пути, пролегающего через несколько морей, нам необходимы исчерпывающие сведения о состоянии льдов, гидрологическом и метеорологическом режимах. Это и было главным заданием М. А. Титлова и его товарищей. Несмотря на труднейшие условия перелета, задание выполнено. Летчики определили границу 2—3-летних паковых льдов и установили, что под влиянием течений и ветра они отступили далеко на север. Это весьма благоприятно для будущего нашего судоходства. По наблюдениям, сделанным гидрологом Сомовым и штурманом Акуратовым, наша служба льда и погоды составила уже первые карты состояния льдов в высоких широтах Арктики.

Весьма ценно и то, что подобные наблюдения сделаны впервые после экспедиции И. Д. Папанина на Северный полюс и дрейфа ледокола «Седов» (1937—1939 гг.). Я был участником воздушной экспедиции на Северный полюс и помню, насколько длительной была тогда подготовка. Ныне наша отечественная техника настолько шагнула вперед, что стали возможными перелеты в высокие широты Арктики без длительной подготовки. В годы Великой Отечественной войны самолеты Главсевморпути, производившие ледовую разведку, достигали 87 градусов северной широты. Ныне М. А. Титлов достиг 90 градусов северной широты.

Перелет М. А. Титлова многое даст для дальнейшего усовершенствования и уточнения наших знаний о Ледовитом океане.

Новые угольные богатства Урала

Геологоразведочные партии Главуглеразведки Наркомата угольной промышленности обнаружили на Урале новые месторождения углей, которые явятся энергетическим резервом для этого крупнейшего промышленного района страны.

В Южной Башкирии в 90 км от города Чкалова детально разведано крупное Бабаевское месторождение бурых углей. Уголь залегает на небольшой глубине. Мощность пластов от 20 до 100 метров. Неподалеку от Бабаевского открыто еще одно угольное месторождение—Козловское. Оба они должны сыграть важную роль в обеспечении местным топливом промышленных предприятий Уфы, Орска и Чкалова.

В Свердловской области на Волчанском месторождении подготовлены три участка для закладки открытых разрезов годовой производительностью 1—1,5 миллиона тонн угля каждый.

В южной части Челябинского угольного бассейна, вблизи железной дороги выявлено Красносельское месторождение. Разведан участок, пригодный для открытой добычи до полумиллиона тонн угля в год, и два пласта для закладки мощных шахт.

Охота за китами в Приморье

Над необъятными водными просторами севера повисли густые туманы—предвестники снежных вьюг и буранов. Стада китов начали тысячемильные переходы: поближе к теплым водам юга. Трюмы гигантских плавучих консервных заводов уже заполнены десятками тысяч пудов китового жира, ящиками консервов.

Недавно море бесновалось всю ночь. К утру шторм достиг 10 баллов. В такую погоду опасно выходить в море. Но китобои решили рискнуть. Первым вышел на промысел китобоец „Авангард", управляемый опытным капитаном Нефедьевым. Несмотря на крупную волну, опытный глаз гарпунера Панова вскоре заметил крупного кита, а затем целое стадо. Резкий поворот—и китобоец рванулся вперед. Прогремел выстрел. За ним второй, третий... Специальным сигналом „Авангард" сообщил флотилии о китовом стаде. Через полчаса в район промысла на всех парах пришли китобойцы „Энтузиаст" и „Трудфронт". Артиллерийские раскаты гарпунных пушек следовали один за другим. За день было убито 17 50—60-тонных морских зверей.

Всесоюзная конференция режиссеров

Первую, за последние 5 лет, Всесоюзную конференцию режиссеров созывают в Москве в этом году Комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР и Всероссийское театральное общество.

Задача конференции — подытожить опыт работы режиссеров за время Великой Отечественной войны, обсудить проблемы современного режиссерского искусства и подготовки новых кадров.

Тимофей Николаевич Грановский

(90 лет со дня смерти)

Девяносто лет назад, 4(16) октября 1855 года в Москве скончался профессор всеобщей истории Тимофей Николаевич Грановский. Покойному ученому было всего 42 года.

Выходец из провинциального дворянства, Тимофей Николаевич Грановский родился в 1813 году в Орле. Получил сначала обычное домашнее воспитание в родовом сельце, а потом два года находился в частном московском пансионе. Мальчик рано почувствовал жажду знаний, отыскивал книги и перечитал их множество. Романы Вальтера Скотта пробудили в юноше любовь к истории, к западному средневековью.

Бросив начатую по желанию родителей службу, преодолев противодействие отца, Грановский поступил в Петербургский университет. Нелегки были его студенческие годы. Скоро умерла горячо его любившая мать. Беззаботный себялюбец-отец частенько забывал о сыне—редко присылал скудные гроши, которых не хватало на стол и квартиру. Приходилось недоедать, искать заработка. Студент Грановский занялся литературным трудом: переводил, писал разборы книг. Появилась в печати первая его историческая статья «Судьбы еврейского народа». 22-летний автор выступал за сближение народов между собою, против раз'едающих предрассудков сект и верований. Любовь к гонимым, светлый гуманизм насыщали статью. С этими идеалами вошел Грановский в литературу. Им он до конца остался верен.

Кончив университет, Грановский еще упорнее занялся философией и историей. Завязались литературные знакомства, создалось скромное литературное имя. Грановского заметили. Попечитель Московского учебного округа предложил ему кафедру всеобщей истории в Московском университете. Для подготовки его послали в Западную Европу, по истории которой он намеревался работать. Три года провел Грановский за границей—слушал лекции, изучал языки, источники, памятники европейской старины и искусства.

Еще перед от'ездом из России сблизился он с замечательным русским мыслителем Н. В. Станкевичем и его кружком. Пленительная личность Станкевича, его обширные познания в философии, истории и эстетике сильно помогли Грановскому. «Никому на свете не был я так много обязан»,—говорил он о Станкевиче. В годы пребывания за границей, под влиянием дружбы со Станкевичем сформировались общественные и научные принципы Грановского. Он выработал передовые взгляды в философии и истории, проникся страстным убеждением в необходимости широкого просвещения для родной страны, сближения с прогрессивными западно - европейскими порядками, скорейшего освобождения народа от крепостного права. Еще раньше Станкевич взял с Грановского и Тургенева клятву отдать все силы «избавлению народа от крепостной зависимости и распространению в среде его умственного развития».

Обогащенный знаниями, проникнутый благородными убеждениями, Грановский спешил на родину, в любимую Россию. Он писал друзьям: «Мне хочется работать, но так, чтобы результат моей работы был в ту же минуту полезен другим. Пока я вне России, этого сделать нельзя. Мне кажется, что я могу действовать при настоящих моих силах и действовать именно словом. Что такое дар слова? Красноречие? У меня есть оно, потому что у меня есть теплая душа и убеждение. Я уверен, что меня будут слушать студенты».

Грановский не ошибался в оценке своих сил.

В 1839 году он возвратился в Россию и начал преподавание всеобщей истории в Московском университете. Шестнадцать лет, до последнего дня своей жизни, трудился Грановский на этом поприще. Это были лучшие годы его жизни.

Он сблизился с передовыми людьми своего времени—с Герценом, Белинским, Огаревым, Боткиным, Кавелиным. Подобно большинству своих друзей, Грановский противопоставлял феодально-бюрократическим порядкам царя Николая I идеалы западного буржуазного либерализма. Предвидевший великое будущее славянства и прежде всего самой великой и сильной славянской страны—России, Грановский призывал к сближению с передовыми идеями и порядками Запада. Горячий русский патриот, он желал для России скорейшего движения вперед. Крепостное право, темнота и невежество были, по его мнению, главными препятствиями для такого движения. Всемерное распространение просвещения нужно народу. Чтобы итти вперед, нужно смотреть вперед. Освобождение от крепостничества наряду с просвещением откроют дорогу перед русским народом.

Свои передовые взгляды Грановский отстаивал в лекциях, ученых трудах, в бурных спорах с противниками. Идея закономерного развития, идея прогресса, твердое убеждение в общности путей развития России и Европы пронизывали историческое мировоззрение Грановского. «Прогрессивное движение человечества перестало быть вопросом для большинства мыслящих людей нашего века»,—открыто утверждал он. Грановского, как историка-диалектика, особенно интересовали «переходные эпохи», перевороты, эпохи борьбы между старыми и новыми началами. Грановским владело, по его словам, «желание услышать последние слова всякого отходившего, начальную мысль зарождавшегося порядка вещей». Грановский всегда стремился быть на уровне современных научных, социальных и политических вопросов своей эпохи. «История по самому содержанию своему, — писал он,—должна более других наук принимать в себя современные идеи. Мы не можем смотреть на прошедшее иначе, как с точки зрения настоящего. В судьбе отцов мы ищем преимущественно об'яснения собственной». Эти устремления к современности позволили Грановскому избежать реакционно - националистического влияния немецких историков и философов. Грановский метко указывал на главную причину несостоятельности их учений. «Они хорошо понимали прошедшее, — говорил он,—но не понимали настоящего и будущего». Грановский хотя и оставался в своих историко - философских взглядах идеалистом, диалектиком-гегельянцем, но науку истории он сводил не к произвольным и реакционным построениям гегелевской системы развития мирового духа, а сближал ее с естественными науками, с географией и этнографией.

Вместе с Герценом и Белинским Грановский был выдающимся русским просветителем. Он ненавидел крепостное право, горячо защищал просвещение, свободу, передовые европейские формы жизни, отстаивал интересы народных масс. Грановскому был присущ горячий исторический оптимизм. Изучая прошлое, он смотрел в будущее.

Обладавший, по словам Герцена, удивительным «тактом сердца», Грановский оставлял незабываемое впечатление у слушателей. «Какое благородство языка, — восклицал Герцен — усердный слушатель его публичных лекций,—смелое открытое изложение. Были минуты, в которые его речь поднималась до вдохновения. Излагая события, художественно группируя их, он говорил ими так, что мысль, не сказанная им, но совершенно ясная, представлялась тем знакомее слушателю, что она казалась его собственной мыслью. Заключение первого курса было для него настоящей овацией, вещью, неслыханной в Московском университете. Когда он, оканчивая, глубоко тронутый, благодарил публику,—все вскочили в каком-то опьянении, дамы махали платками, другие бросались к кафедре, жали ему руки. Я сам видел молодых людей с раскрасневшимися щеками, кричавших сквозь слезы: «браво! браво!».

В лекциях Грановского передовая русская историческая мысль впервые гласно выступила перед русским обществом. Грановского слушали западники Герцен, Огарев, Чаадаев, Тургенев, Боткин, славянофилы Хомяков, братья Киреевские, братья Аксаковы. Успех Грановского был небывалый и заслуженный. Его публичные чтения были победой передовых взглядов того времени.

Публичные курсы Грановского, восторженно встреченные лучшими людьми России, вызвали злобное шипение, доносы, обвинения со стороны реакционеров. Грановский был им ненавистен. Они настаивали на изменении содержания лекций. Молодой ученый с горечью писал: «Требуют от меня апологий и оправданий в виде лекций. Реформация и революция должны быть излагаемы с католической точки зрения и как шаги назад. Я предложил не читать вовсе о революции. Реформации уступить я не мог. Что же бы это была за история?» От ученого историка требовали не науки истории, а прославления отсталых и реакционных порядков, подобострастных гимнов самодержавию и крепостничеству.

Грановский, считавший ниже достоинства ученого скрывать свои убеждения и взгляды, должен был прекратить чтение публичных лекций. Гордо прозвучали слова его, обращенные к взволнованной, переполненной аудитории: «Меня обвиняют в том, что история служит мне только для высказывания моего воззрения. Это отчасти справедливо, я имею убеждения и провожу их в моих чтениях; если бы я не имел их, я не вышел бы публично перед вами для того, чтобы рассказывать больше или меньше занимательно ряд событий».

Тягостно, трудно переносил Грановский вынужденное молчание. Разгул реакции в конце царствования Николая I грозил разрушить все русское просвещение. Грановский много страдал, реакция душила его. Минутами отчаяние овладевало им. «Есть с чего сойти с ума,—писал он Герцену за границу.—Благо Белинскому, умершему во-время». Вскоре смерть унесла и Грановского.

Научно-литературное наследство Грановского невелико, но по богатству мысли, обстоятельности критики, источников и отточенному литературному мастерству два тома сочинений Грановского сделали бы честь любому историку.

Грановский не был кабинетным ученым, исследователем. Его призванием была кафедра, живое слово, прямое общение с людьми. Лекции Грановского учили критически мыслить, воспитывали в русских людях любовь к свободной жизни, внимание к угнетенным. Несколько поколений студентов вышло из школы Грановского. Его учениками были крупнейшие русские историки С. М. Соловьев, П. Н. Кудрявцев, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин. Грановский положил начало плодотворнейшему изучению русскими учеными истории Западной Европы, особенно Англии и Франции. Значителен вклад русской науки в исследования истории Запада. Основы этого вклада принадлежат Грановскому, благородная личность которого воспитывала и вела за собою к науке, на службу народу целое поколение русских людей.

Высшую справедливость отдал Грановскому И. С. Тургенев, когда писал на другой день после его похорон: «Он жил не даром —он не умер...».

Имя Грановского навсегда вошло в историю русской культуры. Советским людям, законным наследникам лучших достижений и заветов русской культуры, дорога память о Грановском, выдающемся ученом, историке и просветителе.

Проф. С. ДМИТРИЕВ.